Зигмунд Фрейд
'Ребенка бьют' - к вопросу о происхождении сексуальных извращений

I

Фантастическое представление "ребенка бьют" с поразительной частотой встречается в признаниях лиц, обращавшихся к аналитическому лечению по поводу своей истерии или невроза навязчивых состояний. Весьма правдоподобно, что еще чаще оно имеет место у других людей, которых не принуждает принять подобное решение какое-то явное заболевание.

С этой фантазией связаны ощущения удовольствия, из-за которых она бесчисленное количество раз воспроизводилась или все еще воспроизводится [нашими пациентами]. Кульминацией представленной ситуации почти всегда, как правило, оказывается онанистическое самоудовлетворение, которое поначалу производится по воле фантазирующего, но затем приобретает и некий навязчивый характер, преодолевая его сопротивление.

Признание в этой фантазии делается лишь с колебанием, воспоминание о ее первом появлении расплывается, аналитическая трактовка предмета сталкивается с недвусмысленным сопротивлением, стыд и сознание вины возбуждаются при этом, возможно, сильнее, чем при схожих сообщениях, касающихся воспоминаний о начале сексуальной жизни.

Наконец, можно констатировать, что первые фантазии подобного рода вынашивались в очень ранний период, определенно до поступления в школу, уже на пятом и шестом году жизни. Когда ребенок увидел затем в школе, как другие дети избивались учителем, это переживание вновь пробудило к жизни эти фантазии, если они уже уснули, или усилило их, если они все еще были налицо, примечательным образом модифицировав их содержание. Отныне и впредь избивались "неопределенно многие" дети. Влияние школы было столь отчетливым, что пациенты поначалу пытались возвести свои фантазии битья исключительно к этим впечатлениям школьного периода, начинающегося с шестилетнего возраста. Но эта попытка всегда оказывалась несостоятельной: фантазии были налицо уже до этого времени.

Когда в старших классах избиение детей прекращалось, его воздействие более чем возмещалось впечатлениями, получаемыми от чтения, которое быстро приобретало большое значение. Применительно к моим пациентам, речь почти всегда шла об одних и тех же доступных молодежи книгах, в содержании которых фантазии битья черпали для себя новые импульсы: так называемая Bibliotheque rose, "Хижина дяди Тома" и тому подобное. Состязаясь с этими сочинениями, собственное фантазирование ребенка начинало измышлять целый набор ситуаций и институтов, в которых детей за их дурное поведение и озорство бьют, наказывают или карают каким-то иным образом.

Поскольку фантастическое представление "ребенка бьют" было загружено интенсивным удовольствием и приводило к акту автоэротического удовлетворения, можно было бы ожидать того, что источником схожего наслаждения служило также и наблюдение за тем, как в школе избивался другой ребенок. Этого, однако, никогда не происходило. Присутствие при реальных сценах избиения в школе и переживания, связанные с ними, вызывали у наблюдающего ребенка, по-видимому, какое-то смешанное чувство совершенно особого возбуждения со значительной долей осуждения (Ablehnung). В ряде случаев реальное переживание сцен избиения воспринималось как нетерпимое. Впрочем, и в рафинированных фантазиях более поздних лет в качестве условия настаивалось на том, что наказываемым детям не причиняется никакого серьезного вреда.

Мы должны были поднять вопрос о том, какое соотношение существует между

значимостью фантазии битья и той ролью, которую могло бы играть в домашнем воспитании ребенка реальное телесное наказание. Напрашивающееся предположение о том, что здесь могло бы иметь место обратно пропорциональное соотношение, не может быть доказано в силу односторонности нашего материала. Людей, которые доставляли материал для этих анализов, очень редко били в детстве - во всяком случае, их воспитывали не розгами. Естественно, каждый из этих детей в том или ином случае имел возможность почувствовать превосходящую физическую силу своих родителей или воспитателей, а то, что в любой детской нет недостатка в потасовках между самими детьми, и вовсе не нужно выделять как-то особо.

Наше исследование не прочь было извлечь побольше сведений из тех ранних и несложных фантазий, которые явным образом восходят к влиянию школьных впечатлений и чтения этого периода. Кем был избиваемый ребенок? Самим фантазирующим или каким-то посторонним? Был ли это всегда один и тот же ребенок или сколь угодно часто другой? Кем был тот, кто бил ребенка? Какой-то взрослый? И кто тогда? Или же ребенок фантазировал, будто он сам бьет другого? Никаких сведений, проливающих свет на все эти вопросы, мы не получали - всегда лишь один робкий ответ: "Больше я об этом ничего не знаю; ребенка бьют."

Справки относительно пола избиваемого ребенка имели больший успех, но и они не вносили никакой ясности. Иногда нам отвечали: "Всегда лишь мальчиков" или "Лишь девочек"; чаще ответ гласил: "Этого я не знаю" или: "Это все равно". То, что имело значение для исследователя - некое устойчивое соотношение между полом фантазирующего и полом избиваемого ребенка, зафиксировать так и не удавалось. Порой обнаруживалась еще одна характерная деталь содержания фантазии: "Маленького ребенка бьют по голой попе".

В данных обстоятельствах поначалу нельзя было даже решить, обозначить ли примыкающее к фантазии битья удовольствие как садистское или же как мазохистское.

II

Понять такую фантазию, возникающую в раннем детском возрасте, по-видимому, в результате каких-то случайных влияний и сохраняемую позже для получения автоэротического удовлетворения, в соответствии с нашими прежними воззрениями можно лишь в том смысле, что речь здесь идет о какой-то первичной черте извращения. Одна из компонент сексуальной функции обогнала в развитии другую, зафиксировалась и, в результате, отклонилась от позднейших процессов развития, засвидетельствовав, тем самым, некую особую, ненормальную конституцию личности. Мы знаем, что подобное инфантильное извращение не обязательно остается на всю жизнь, позднее оно еще может подвергнуться вытеснению, быть замещенным тем или иным реактивным образованием или же преобразиться под действием сублимации. (Возможно, однако, что сублимация берет начало в каком-то особом процессе, задерживавшемся вытеснением). Но тогда, когда процессы эти отсутствуют, извращение сохраняется и в зрелой жизни, и там, где мы встречаем у взрослого какое-то сексуальное отклонение - перверсию, фетишизм, инверсию, - там мы с полным правом ожидаем путем амнезического исследования раскрыть подобное фиксирующее событие детского периода. Да и задолго до психоанализа такие наблюдатели, как Бине, возводили странные сексуальные отклонения зрелого периода к подобным впечатлениям все того же пяти- или шестилетнего возраста. Впрочем, при этом мы наталкивались на границы нашего понимания, ибо фиксирующим впечатлениям недоставало какой бы то ни было травматической силы, большей частью они были банальными и никак не возбуждали других индивидов; невозможно было сказать, почему именно на них зафиксировались сексуальные стремления. Но их значение можно было поискать как раз в том, что они давали - хотя бы и случайный - повод для фиксации преждевременной и готовой к скачку сексуальной компоненты, и мы должны были подготовиться к тому, что цепочка казуальной связи где-то преждевременно оборвется. Именно врожденная конституция, казалось, соответствовала всем требованиям для [объяснения] подобной точки обрыва.

Если оторвавшаяся преждевременно сексуальная компонента имеет садистский характер, то на основании уже достигнутых нами знаний, мы можем ожидать, что в результате ее позднейшего вытеснения создастся предрасположенность к неврозу навязчивых состояний. Нельзя сказать, что этому ожиданию противоречит результат наших исследований. Среди шести случаев, на обстоятельном изучении которых построена эта небольшая статья (четыре женщины, два мужчины), есть случаи невроза навязчивых состояний, один весьма тяжкий, опасный для жизни, и один средней тяжести, хорошо доступный [терапевтическому] воздействию, а также третий, в котором присутствовали по крайней мере отдельные явные черты невроза навязчивых состояний. Четвертый случай, однако, был чистейшей истерией, с болями и торможением, а в пятом случае человек обратился за помощью к аналитику лишь из-за нерешительности, от которой он страдал в своей жизни, и этот случай грубая клиническая диагностика либо вообще никак не классифицировала бы, либо отделалась бы от него, налепив на него ярлык какой-нибудь "психастении". Подобная статистика никак не может нас разочаровывать, ибо, во-первых, мы знаем, что не всякая предрасположенность обязательно развивается затем в болезнь, а во-вторых, мы вправе удовлетвориться объяснением того, что имеется налицо, и вообще уклониться от задачи уяснения также и того, почему нечто не произошло.

До сих пор и никак не дальше наши теперешние знания позволили бы нам проникнуть в понимание фантазии битья. Подозрение, что проблема этим не исчерпывается, шевелится, впрочем, в мозгу у врача-аналитика, когда ему приходится признаваться себе, что фантазии эти по большей части остаются в стороне от прочего содержания невроза и не занимают в его структуре никакого подходящего места; но обычно, как я это знаю по собственному опыту, от подобных подозрений охотно отмахиваются.

III

В строгом смысле - а почему бы и не рассмотреть это настолько строго, насколько это возможно? - лишь такое аналитическое усилие заслуживает признания в качестве корректного психоанализа, которому удалось устранить амнезию, окутывающую для взрослого человека знание о его детской жизни (т. е. примерно с двух до пяти лет). В среде аналитиков об этом просто невозможно говорить слишком громко или слишком часто. Мотивы, заставляющие не считаться с подобным увещеванием, конечно же, понятны. Полезных результатов хотелось бы достигать в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами усилий. Но в настоящее время для каждого из нас теоретическое знание все еще несравненно весомей, нежели терапевтический результат, и тот, кто пренебрегает анализом детского периода, с необходимостью впадает в тяжелейшие заблуждения. Это подчеркивание значимости наиболее ранних переживаний не обусловливает недооценки более поздних; но позднейшие жизненные впечатления достаточно громко выражают себя при анализе устами больного, а поднять голос за права детства должен не кто иной, как врач.

Период детства с двух до четырех или пяти лет - это такое время, когда врожденные либидинозные факторы впервые пробуждаются под действием тех или иных переживаний и связываются с определенными комплексами. Рассматриваемые здесь фантазии битья появляются лишь к концу этого времени или по его завершении. Они, таким образом, вполне могут иметь какую-то предысторию, претерпевать известное различие, соответствовать конечному результату, а не начальному проявлению.

Это предположение подтверждается анализом. Последовательное его применение позволяет выяснить, что фантазии битья имеют совсем непростую историю развития, в ходе которой многое в них не раз меняется: их отношение к фантазирующему лицу, их объект, содержание и значение.

Чтобы нам было легче проследить эти превращения, которым подвергаются фантазии битья, я позволю себе теперь ограничить свое описание лицами женского пола, которые и без того (четверо против двоих) составляют большую часть моего материала. Кроме того, с фантазиями битья у мужчин связана и другая тема, которую в настоящей статье я хотел бы обойти. При этом я попытаюсь схематизировать не больше, чем это необходимо при

изображении среднестатистического случая. И даже если впоследствии дальнейшее наблюдение предоставит большее многообразие случаев, я все-таки уверен в том, что мне удалось ухватить какое-то типичное и отнюдь не редкое событие.

Итак, первая фаза фантазий битья у девочек должна относиться к весьма раннему периоду детства. Кое-что в них примечательным образом остается неопределенным, как если бы было безразличным. Скудость сведений, получаемых от пациентов при их первом сообщении "Ребенка бьют", как будто оправдывается в фантазии этой [фазы]. Но вот другая черта определяется вполне четко, причем в одном и том же духе. А именно, фантазирующий ребенок никогда не выступает избиваемым, это, как правило, какой-то другой ребенок, чаще всего - братишка или сестренка, когда таковые имеются. Поскольку это может быть как мальчик, так и девочка, никакого устойчивого соотношения между полом фантазирующего и избиваемого ребенка вывести здесь невозможно. Фантазия, таким образом, определенно не является мазохистской; ее можно было бы назвать садистской, но мы не вправе упускать из виду то обстоятельство, что фантазирующий ребенок сам никогда не выступает и в качестве бьющего. О последнем можно утверждать лишь то, что это не другой ребенок, но какой-то взрослый. Позднее этот неопределенный взрослый явно и недвусмысленно признается за отца (девочки).

Итак, эта первая фаза фантазии битья полностью передается следующим положением: "Отец бьет ребенка". Я выдал бы многое из содержания [фантазии], которое еще предстоит раскрыть, если сказал бы вместо этого: "Отец бьет ненавистного мне ребенка". Впрочем, можно колебаться относительно того, должны ли мы за этой предварительной стадией позднейшей фантазии битья признавать уже характер какой-то "фантазии". Возможно, речь здесь идет, скорее, о неких воспоминаниях о подобных событиях, свидетелями которых [пациенты] были, о желаниях, которые были вызваны теми или иными поводами, но сомнения эти не имеют никакого значения.

Между этой первой и последующей фазой происходят значительные перемены. Хотя роль бьющего по-прежнему исполняется отцом, роль избиваемого играет теперь, как правило, сам фантазирующий ребенок; фантазия имеет теперь подчеркнуто гедонистический характер и заполнена важным содержанием, происхождением которого мы займемся позже. Она выражается теперь словами: я избиваюсь отцом. Она имеет несомненно мазохистский характер.

Эта вторая фаза - самая важная из всех, и она больше других отягощена последствиями. Но о ней, в известном смысле, можно сказать, что она никогда не имела реального существования. Ни в одном из случаев ее не вспоминают, ей так и не удалось пробиться к осознанию. Она представляет собой аналитическую конструкцию, но из-за этого ее необходимость не становится меньшей.

Третья фаза напоминает первую. Ее словесное выражение известно из сообщения пациентки. Отец никогда не выступает в качестве бьющего лица, последнее либо оставляется неопределенным, как в первой фазе, либо типичным образом загружается неким заместителем отца (учителем). Сам фантазирующий ребенок в фантазии битья больше не появляется. На мои настойчивые расспросы об этом пациентки отвечают лишь следующее: "Я, наверное, наблюдаю". Вместо одного избиваемого ребенка теперь в большинстве случаев налицо множество детей. Чаще всего избиваемыми (в фантазиях девочек) оказываются мальчики но не знакомые им лично. Изначально несложная и монотонная ситуация избиения может теперь самым разнообразным образом модифицироваться и приукрашаться, а само избиение - замещаться наказаниями и унижениями иного рода. Но существенный характер, который отличает и простейшие фантазии этой фазы от фантазий первой фазы и который связывает ее со средней фазой, заключается в следующем: фантазия является теперь носительницей сильного и недвусмысленного сексуального возбуждения и, как таковая, способствует достижению онанистического удовлетворения. Но именно это и представляется загадочным: каким путем садистская с этих пор фантазия о том, что каких-то посторонних и незнакомых мальчиков бьют, получает отныне в свое постоянное владение

либидинозные стремления маленькой девочки?

Мы не скрываем от себя и того, что взаимосвязь и последовательность трех фаз фантазии битья, равно как и все иные ее особенности, до сих пор оставались совершенно невыясненными.

IV

Если повести анализ через те ранние времена, к которым возводится фантазия битья и из которых она извлекается воспоминанием, то он покажет нам ребенка, захваченного импульсами своего родительского комплекса.

Маленькая девочка с нежностью фиксируется на отце, который, очевидно, сделал все, чтобы завоевать ее любовь, и закладывает при этом семя, из которого возникнет установка ненависти и соперничества по отношению к матери, остающаяся наряду с потоком нежной привязанности к ней; этой установке с годами, может быть, суждено становиться все сильнее и осознаваться все отчетливее, или же давать толчок к какой-то чрезмерной реактивной любовной привязанности к матери. В детской есть еще и другие дети, совсем немногим старше или младше, которых не желают терпеть по множеству разных причин, но главным образом потому, что с ними приходится делить любовь родителей, и которых отталкивают от себя со всей той неукротимой энергией, которая свойственна эмоциональной жизни этих лет. Если речь идет о младшем ребенке, брате или сестре (так дело обстояло в трех из четырех моих случаев), то его не только ненавидят, но еще и презирают, и старшему ребенку приходится при этом наблюдать, как именно он притягивает к себе ту львиную долю нежности, которую ослепленные родители всякий раз готовы уделить самому младшему. Вскоре становится ясно, что побои, даже если это не очень больно, означают отказ в любви и унижение. Так, не один ребенок, считавший себя надежно утвердившимся в непоколебимой любви своих родителей, одним-единственным ударом ниспровергался с небес своего воображаемого всемогущества. Таким образом, представление о том, что отец бьет этого ненавистного ребенка, доставляет удовольствие совершенно независимо от того, видели ли его действительно избивающим его. Это означает следующее: "Отец не любит этого другого ребенка, он любит лишь меня".

Таково, стало быть, содержание и значение фантазии битья в ее первой фазе. Фантазия явно удовлетворяет ревность ребенка и находится в зависимости от его любовной жизни, но ее также сильно подкрепляют и эгоистические интересы ребенка. Следовательно, остается сомнительным, вправе ли мы обозначить ее как чисто "сексуальную"; не отваживаемся мы назвать ее и "садистской". Ведь известно, что все признаки, на которых мы привыкли основывать свои различения, ближе к истоку обычно становятся расплывчатыми. Так что это, по-видимому, напоминает предсказание трех ведьм Банко: [фантазия не является] ни отчетливо сексуальной, ни даже садистской, однако представляет собой тот материал, из которого обе должны позднее возникнуть. Однако, ни один из случаев не дает оснований предполагать, что уже эта первая фаза фантазии служит тому возбуждению, которое учится разряжаться с использованием гениталий в акте онанизма.

В этом преждевременном выборе объекта инцестуозной любви сексуальная жизнь ребенка явно достигает ступени генитальной организации. В случае мальчика доказать это легче, но и в случае девочки это неоспоримо. Над либидинозным стремлением ребенка господствует нечто вроде предвосхищения позднейших окончательных и нормальных сексуальных целей; уместно выразить удивление по поводу того, откуда оно берется, но мы вправе принять его в качестве доказательства того, что гениталии начали уже играть свою роль в процессе возбуждения. Желание иметь с матерью ребенка всегда присутствует у мальчика, желание иметь ребенка от отца неизменно наличествует у девочки, и это при полной неспособности внести для себя ясность по поводу того, каким путем можно прийти к исполнению этого желания. То, что гениталии должны иметь к этому какое-то отношение, для ребенка, как будто, несомненно, хотя его размышления на этот счет могут заставить его искать суть предполагаемой между родителями интимности и в иного рода отношениях, - например, в том, что они спят вместе, в совместном мочеиспускании и тому подобном, - и

такое содержание легче схватить в словесных представлениях, чем то смутное, что связано с гениталиями.

Но приходит время, когда эти ранние цветы увядают от морозов: ни одна из этих инцестуозных влюбленностей не может избегнуть судьбы вытеснения. Они подвергаются ему либо при тех или иных внешних поводах, которые можно проследить и которые вызывают некое разочарование, при нечаянных обидах, при нежеланном рождении нового брата или сестры, воспринимающемся как неверность, или же без подобных поводов, изнутри, - возможно, лишь в силу простого отсутствия своего завершения, по которому слишком долго томились. Нельзя не признать того, что поводы эти не являются действительными причинами, но этим любовным привязанностям суждено когда-то погибнуть, и мы не можем сказать, отчего. Вероятнее всего, они угасают потому, что истекает их время, что дети вступают в какую-то новую фазу развития, на которой они должны повторить вытеснение инцестуозного выбора объекта, свершившееся в человеческой истории, подобно тому, как прежде они вынуждены были осуществить такой выбор. (Ср. Судьбу в мифе об Эдипе). То, что бессознательно наличествует в качестве психического результата инцестуозных любовных импульсов, сознанием новой фазы уже не перенимается, а то в них, что уже было осознано, вновь оттесняется. Одновременно с этим процессом вытеснения появляется и сознание вины - его происхождение также неизвестно, но оно вне всяких сомнений связано с этими инцестуозными желаниями и обосновано их продолжением в бессознательном.

Фантазия периода инцестуозной любви гласила: "Он (отец) любит лишь меня, а не другого ребенка, ведь этого последнего он бьет". Сознание вины не умеет найти кары более жестокой, нежели инверсия этого триумфа: "Нет, он тебя не любит, поскольку он бьет тебя". Таким образом, фантазия второй фазы, [в которой фантазирующий ребенок] сам избивается отцом, могла бы оказаться непосредственным выражением сознания вины, в основе которого лежит теперь любовь к отцу. Она сделалась, следовательно, мазохистской; насколько мне известно, так всегда бывает, сознание вины всякий раз оказывается тем фактором, который превращает садизм в мазохизм. Этим, однако, содержание мазохизма не исчерпывается. Сознание вины не может овладеть полем в одиночку; что-то должно перепасть и на долю любовного импульса. Вспомним, что речь идет о детях, у которых садистская компонента смогла выступить на первый план преждевременно и изолированно в силу конституциональных причин. Нам нет нужды оставлять эту точку зрения. Именно этим детям особенно легко осуществить возврат к догенитальной, садистско-анальной организации сексуальной жизни. Когда едва достигнутую генитальную организацию поражает вытеснение, отсюда вытекает не только то, что всякое психическое представление инцестуозной любви становится или остается бессознательным, но также и то, что сама генитальная организация претерпевает некое регрессивное понижение. "Отец любит меня" подразумевалось в генитальном смысле; регрессия превращает это в "Отец бьет меня (я избиваюсь отцом)". Это избиение встреча сознания вины и эротики; оно есть не только кара за запретное генитальное отношение, но и регрессивное его замещение, и из этого последнего источника черпает оно то либидинозное возбуждение, которое отныне плотно с ним смыкается и находит разрядку в актах онанизма. Только в этом и заключается сущность мазохизма.

Фантазия второй фазы, [в которой фантазирующий] сам избивается отцом, остается, как правило, бессознательной - по-видимому, вследствие интенсивности вытеснения. Я, однако, не нахожу объяснений тому, что в одном из шести моих случаев (мужчина) имело место сознательное воспоминание о ней. Этот ныне взрослый мужчина ясно сохранил в памяти то обстоятельство, что в своей онанистической деятельности он представлял себе, будто его бьет мать; впрочем, он часто заменял свою собственную мать матерями школьных товарищей или другими женщинами, схожими с нею в каких-то отношениях. Нельзя забывать о том, что при трансформации инцестуозной фантазии мальчика в соответствующую ей мазохистскую происходит на одно превращение больше, чем в случае

девочки, а именно - замещение активности пассивностью, и это "больше", увеличивающее искажение, может защитить фантазию и не дать ей остаться бессознательной в результате вытеснения. Таким образом, сознанию вины вместо вытеснения оказалось достаточно регрессии; в женских случаях сознание вины, - может быть, более взыскательное само по себе, - было бы умиротворено лишь взаимодействием обоих факторов [регрессии и вытеснения].

В двух из четырех моих женских случаев над мазохистской фантазией битья образовалась искусная, весьма значимая для жизни пациенток надстройка дневных грез, которой выпадала функция обеспечивать им возможность испытывать чувство удовлетворенного возбуждения и при отказе от акта онанизма. В одном из этих случаев содержание (быть избиваемой отцом) смогло отважиться вновь проникнуть в сознание, когда собственное Я [фантазирующей] сделалось неузнаваемым благодаря легкому переодеванию. Герой этих вымыслов, как правило, избивался отцом, позднее - лишь наказывался и унижался и т. д.

Я, однако, еще раз повторяю: как правило, фантазия остается бессознательной и должна реконструироваться лишь в анализе. Это, возможно, позволяет признать правоту тех пациенток, которые склонны вспоминать о том, что онанизм появился у них раньше фантазии битья третьей фазы (сейчас мы поговорим и о ней); последняя добавилась будто бы лишь позднее, может быть, под впечатлением от школьных сцен [избиения детей]. Всякий раз, как мы принимали на веру эти сведения, мы были склонны предположить, что онанизм первоначально находился под господством бессознательных фантазий, позже замещенных сознательными.

В качестве подобного заместителя (Ersatz) мы понимаем тогда известную фантазию битья третьей фазы, окончательное ее оформление, когда фантазирующий ребенок предстает самое большее как зритель, отец же сохраняется в обличье учителя или какого-то другого начальника. Фантазия, схожая теперь с фантазией первой фазы, как будто, вновь вернулась в сферу садизма. Создается впечатление, что в положении "Отец бьет ребенка, он любит лишь меня" акцент смещается на первую часть, после того, как вторая подверглась вытеснению. Но садистской является только форма этой фантазии, удовлетворение же, которое из нее извлекается, носит мазохистский характер, ее значение заключается в том, что она перенимает либидинозную загрузку вытесненной части, а вместе с ней - и сознание вины, примыкающее к содержанию [фантазии]. Все множество каких-то неопределенных детей, избиваемых учителем, является все-таки лишь замещением (Ersetzung) собственной личности [фантазирующего ребенка].

Здесь впервые проявляется и нечто вроде постоянства пола у служащих фантазии лиц. Избиваемые дети - почти всегда мальчики в фантазиях как девочек, так и мальчиков. Эта характерная черта естественно объясняется не соперничеством полов, ибо тогда в фантазиях мальчиков должны были бы избиваться девочки; она также не имеет никакого отношения к полу ненавистного ребенка первой фазы, но указывает на одно осложняющее обстоятельство у девочек. Когда они отворачиваются от инцестуозной любви к отцу с ее генитальным смыслом, они вообще с легкостью порывают со своей женской ролью, оживляют свой "комплекс мужественности" (ван Офейсен) и впредь желают быть исключительно мальчиками. Поэтому и мальчики для битья их [фантазий], представляющие их самих, - это именно мальчики. В обоих случаях с дневными грезами - один поднялся чуть ли не до уровня поэзии - героями выступали всегда лишь молодые люди, женщины же вообще не появлялись в этих творениях [фантазии] и лишь по прошествии многих лет допускались на какие-то второстепенные роли.

V

Я надеюсь, что изложил свои аналитические наблюдения достаточно детально, и прошу лишь еще обратить внимание на то, что столь часто упоминавшиеся шесть случаев не исчерпывают моего материала: подобно другим аналитикам, я располагаю гораздо большим числом менее исследованных случаев. Эти наблюдения могут быть использованы в

нескольких направлениях: для объяснения генезиса извращений вообще и мазохизма в частности, а также для оценки той роли, которую играет в динамике невроза половое различие.

Наиболее заметный результат подобного обсуждения касается вопроса о происхождении извращений. Хотя ничего не меняется в той точке зрения, согласно которой на передний план здесь выдвигается конституциональное усиление или преждевременность одной сексуальной компоненты, этим еще не все сказано. Извращение не стоит уже изолированно в сексуальной жизни ребенка, но встраивается во взаимосвязь типичных - чтобы не сказать нормальных процессов развития. Оно соотносится с инцестуозным выбором объекта ребенка, с его Эдиповым комплексом, впервые проступает на почве этого комплекса, а когда тот ломается, извращение часто бывает единственным, что от него остается, выступая в качестве наследника его либидинозного бремени и обременяя тем сознанием вины, которое к нему примыкает. В конце концов, ненормальная сексуальная конституция выказала свою силу в том, что потеснила Эдипов комплекс в особенном направлении и принудила его сохранить после себя некое необычное остаточное явление.

Как известно, детское извращение может стать фундаментом для обладающего тем же смыслом и остающегося на всю жизнь извращения, поглощающего всю сексуальную жизнь человека, но оно может и прерваться, сохраняясь на заднем плане сексуального развития, у которого оно тогда, однако, отбирает известное количество энергии. Первый случай был известен еще в доаналитические времена, но пропасть, отделяющая его от второго случая, заполняется лишь с помощью аналитического исследования подобных развитых извращений. А именно, мы достаточно часто обнаруживаем, что эти извращенцы, обычно в пубертатный период, сделали попытку начать нормальную сексуальную деятельность. Попытка эта, однако, была недостаточно решительна, и пациент оставлял ее, столкнувшись с первыми препятствиями, в которых никогда нет недостатка, и тогда уже окончательно хватался за свою инфантильную фиксацию.

Естественно, было бы важно выяснить, вправе ли мы постулировать происхождение извращений из Эдипова комплекса как некий общий принцип. Хотя решение этого вопроса не может быть принято без дальнейших исследований, это не представляется невозможным. Если мы вспомним анамнезы, полученные из извращений взрослых, мы заметим, что задающее масштаб впечатление, "первое переживание" всех этих извращенцев, фетишистов и тому подобных лиц почти никогда не относится к периоду, предшествующему шестому году жизни. Примерно в этом возрасте господство Эдипова комплекса, однако, уже миновало; пришедшее на память и столь загадочным образом действенное переживание вполне могло бы представлять собой его наследие. Соотношения между ним и вытесненным теперь комплексом должны были оставаться темными, пока анализ не пролил свет на период, предшествующий первому "патогенному" впечатлению. Можно рассудить теперь, сколь мало ценности имеет, например, утверждение о врожденной гомосексуальности, опирающееся на сообщение о том, что пациент уже с восьми- или шестилетнего возраста испытывал будто бы склонность лишь к лицам своего пола.

Если же выведение извращений из Эдипова комплекса можно установить как общий принцип, тогда наша оценка его значения получает новое подтверждение. Ведь по нашему мнению, Эдипов комплекс есть, собственно, зародыш неврозов, а достигающая в нем апогея инфантильная сексуальность - действительное условие неврозов, и то, что остается от него в бессознательном, представляет собой предрасположение для позднейшего невротического заболевания взрослого. Тогда фантазия битья и прочие перверсивные фиксации также оказались бы лишь какими-то осадками Эдипова комплекса, как бы некими рубцами, оставшимися после того, как процесс уже закончился, - совсем как пресловутое "чувство неполноценности", также соответствующее подобному нарциссическому рубцу. В этом отношении я должен безоговорочно согласиться с Марциновским, который недавно изложил эту точку зрения весьма удачным образом (Die erotische Quellen der Minderwertingkeitsgefuehle, Zeitschrift fur Sexualwissenschaft, 4, 1918). Это характерное для

невротика бредовое чувство своей ничтожности, как известно, не захватывает его всего и вполне уживается с переоценкой собственной персоны, питающейся из других источников. О происхождении самого Эдипова комплекса и о выпавшей человеку, очевидно, единственному среди всех животных, судьбе дважды начинать свою сексуальную жизнь - сначала, как и все другие создания, в раннем детстве, а затем вновь, после долгого перерыва, в пубертатный период, - обо всем том, что связано с его "архаическим наследием", я уже высказался в другом месте и не намерен вдаваться в это здесь.

На генезис мазохизма обсуждение наших фантазий битья проливает лишь очень скудный свет. Прежде всего, как будто подтверждается тот факт, что мазохизм не является выражением первичного влечения, но возникает в силу обращения садизма против собственной личности, т. е., благодаря регрессии от объекта к Я (Ср. "Влечения и судьбы влечений"). Влечения, обладающие пассивной целью, следует допустить с самого начала, особенно у женщины, но пассивностью мазохизм еще не исчерпывается; он обладает еще тем характером неудовольсвия, который столь необычен при удовлетворении влечения. Превращение садизма в мазохизм происходит, как нам кажется, под влиянием участвующего в акте вытеснения сознания вины. Вытеснение, таким образом, выражается здесь в трояком эффекте: оно делает бессознательными результаты генитальной организации; саму ее принуждает к регрессии на более низкую садистско-анальную ступень; и превращает садизм этой ступени в пассивный, в известном смысле опять-таки нарциссический, мазохизм. Второе из трех этих следствий делается возможным благодаря предполагаемой в этих случаях слабости генитальной организации; третье делается необходимым потому, что сознание вины выказывает по отношению к садизму такое же неодобрение, как и к генитально понятому инцестуозному выбору объекта. Откуда берется само сознание вины, анализ [наших случаев] опять же не говорит. Его, как кажется, приносит с собой новая фаза, в которую вступает ребенок, и если оно отныне остается, то соответствует такому же рубцовому образованию, каким является чувство неполноценности. В соответствии с нашей все еще ненадежной ориентировкой в структуре Я, мы бы соотнесли это сознание вины с той инстанцией, которая, в качестве критической совести, противостоит остальному Я, порождает в сновидении Зильберероvский функциональный феномен и отсоединяется от Я при бреде поднадзорности (Beobachtungswahn).

По ходу дела мы хотим также заметить, что анализ рассматриваемых здесь детских извращений помогает также решить и одну старую загадку, которая, впрочем, всегда мучила скорее не аналитиков, но тех, кто находился вне анализа. Еще не так давно, однако, сам Э. Блейер признал примечательным и необъяснимым фактом то, что онанизм обращается невротиками в некое средоточие их сознания вины. Мы уже давно предположили, что это сознание вины подразумевает онанизм раннего детства, а не пубертатного периода, и что оно должно, большей частью, соотноситься не с актом онанизма, но с лежащей в его основе, хотя и бессознательной, фантазией - [восходящей], стало быть, к Эдипову комплексу.

Я уже сказал, какое значение получает третья, с виду садистская, фаза фантазии битья в качестве носительницы побуждающего к онанизму возбуждения и к какой деятельности фантазии, частично продолжающей в том же духе, частично упраздняющей [онанизм], компенсируя его чем-то иным, эта фаза обычно толкает. Однако, несравненно важнее вторая, бессознательная и мазохистская, фаза - фантазия об избиении отцом самого фантазирующего. И не только потому, что она продолжает действовать через посредство замещающей ее [фазы]: мы можем также проследить и такие воздействия на характер, которые непосредственно выводятся из ее бессознательной версии. Люди, вынашивающие такую фантазию, развивают в себе особую чувствительность и раздражимость по отношению к людям, которых они могут встроить в свой отцовский ряд; они легко дают себя обидеть и производят, таким образом, реализацию представленной в фантазии ситуации, будто их избивает отец, на горе и во вред себе. Я бы не удивился, если когда-либо удалось бы доказать, что та же самая фантазия лежит в основе параноического бреда кляузничества.

VI

Описание инфантильных фантазий битья оказалось бы совершенно необозримым, если бы я не ограничил его, за некоторыми исключениями, случаями лиц женского пола. Я вкратце повторяю результаты. Фантазия битья у девочки проходит три фазы, из которых первая и последняя приходят на память как сознательные, а средняя остается бессознательной. Обе сознательные стадии представляются садистскими, средняя же, бессознательная - несомненно мазохистской природы; ее содержание - быть избиваемой отцом, с ней связаны известный либидинозный заряд и сознание вины. Избиваемый ребенок в обеих сознательных фантпзиях - всегда кто-то другой, в фантазии средней фазы лишь собственная личность фантазирующего; в третьей, сознательной, фазе со значительным перевесом избиваемыми оказываются исключительно мальчики. Избивающее лицо сначала отец, позднее - какой-то его заместитель из отцовского ряда. Бессознательная фантазия средней фазы первоначально имела генитальное значение, она произошла из инцестуозного желания быть любимым отцом, [желания], подвергнувшегося вытеснению и регрессии. С этим, с виду шатким соотношением связан тот факт, что девочки между второй и третьей фазами меняют свой пол, воображая себя в своих фантазиях мальчиками.

Я продвинулся не так далеко в исследовании фантазий битья у мальчиков может быть, лишь в силу неблагоприятности материала. Понятным образом, я ожидал полной аналогии между ситуациями мальчиков и девочек, причем у первых на место отца в фантазии должна была заступить мать. Ожидание это как будто подтвердилось, поскольку содержанием соответствующей фантазии мальчика было избиение матерью (позднее - каким-то замещающим ее лицом). Однако, эта фантазия, в которой собственная личность фантазирующего сохранялась как объект, отличалась от второй фазы у девочек тем, что могла быть сознательной. Если бы нам захотелось поэтому приравнять ее, скорее, к третьей фазе у девочек, то в качестве нового различия осталось бы то обстоятельство, что собственная личность мальчика не замещалась многими, неопределенными, посторонними [детьми], и менее всего - множеством девочек. Ожидание какого-то полного параллелизма оказалось, таким образом, обманутым.

Мой материал, основанный на мужских случаях, охватывал лишь немногих лиц, у которых инфантильная фантазия битья не сопровождалась бы каким-либо иным тяжелым нарушением сексуальной деятельности; большинство, напротив, следовало обозначить как подлинных мазохистов в смысле сексуального извращения. Это были те, кто находил сексуальное удовлетворение исключительно в онанизме, сопровождавшемся мазохистскими фантазиями, или же те, кому удалось таким образом сцепить мазохизм и генитальную деятельность, что при мазохистских инсценировках и таких же условиях они добивались эрекции и эякуляции или оказывались способны провести нормальное половое сношение. Кроме того, был еще один более редкий случай: мазохисту в его перверсивной деятельности мешали навязчивые представления, возникавшие с невыносимой напористостью. У удовлетворенных извращенцев редко бывает причина обращаться к анализу; но для трех указанных групп мазохистов могут выдаться веские причины отправиться к аналитику. Мазохистский онанист находит себя абсолютным импотентом, если он в конце концов все-таки попробует осуществить сношение с женщиной, а тот, кто до сих пор осуществлял сношение, прибегая к помощи представлений и инсценировок, может внезапно сделать для себя открытие, что это столь удобное для него сочетание ему заказано и гениталии не реагируют больше на мазохистское раздражение. Мы привыкли с уверенностью обещать выздоровление психическим импотентам, попадающим нам в руки, но даже в этом прогнозе мы должны были быть посдержанней до тех пор, пока нам не известна динамика расстройства. Это очень неприятная неожиданность - когда анализ вскрывает в качестве причины "чисто психической" импотенции какую-то отборную, возможно, издавна укоренившуюся, мазохистскую установку.

У этих мазохистов-мужчин открывается, однако, одно обстоятельство, которое заставляет нас до поры до времени не развивать аналогию с положением дел у женщины, но рассмотреть эту ситуацию самостоятельно. А именно: оказывается, что мужчины, как

правило, ставят себя в мазохистских фантазиях, равно как и в инсценировках, необходимых для их реализации, на место женщины, - что, следовательно, мазохизм их совпадает с женственной установкой. Это легко доказать деталями фантазий; многие пациенты, однако, знают об этом и сами, высказывая это как некую субъективную достоверность. Здесь ничего не меняется и тогда, когда игровое убранство мазохистских сцен требует фиктивного характера какого-нибудь озорного мальчишки, пажа или ученика, который должен подвергнуться наказанию. А вот наказывающие лица как в фантазиях, так и в инсценировках - это всякий раз женщины. Это довольно-таки сильно сбивает с толку; хотелось бы выяснить, основывается ли уже мазохизм инфантильной фантазии битья на подобной женственной установке.

Оставим, поэтому, в стороне труднообъяснимые обстоятельства мазохизма взрослых и обратимся к инфантильной фантазии битья лиц мужского пола. Здесь анализ наиболее раннего периода детства вновь позволяет нам сделать одно поразительное открытие: сознательная или осознаваемая фантазия, содержание которой - избиение матерью, не является первичной. У нее есть предварительная стадия, которая, как правило, бессознательна и содержание которой выражается следующим образом: я избиваюсь отцом. Эта предварительная стадия, таким образом, действительно соответствует второй фазе фантазии девочки. Известная и сознательная фантазия "я избиваюсь матерью" занимает место третьей фазы у девочки, в которой, как уже упомянуто, объектами избиения выступают какие-то неизвестные мальчики. Я не смог обнаружить у мальчика какую-либо предварительную стадию садистской природы, сопоставимую с первой фазой у девочки, но я не хочу высказывать здесь окончательного суждения в пользу отсутствия таковой, поскольку вижу возможность существования неких более сложных типов.

Быть объектом избиения в мужской фантазии, как я ее кратко и, надеюсь, не вводя никого в заблуждение, назову, означает также быть объектом любви в генитальном смысле, когда это последнее состояние понижается посредством регрессии. Бессознательная мужская фантазия, следовательно, первоначально звучала не "я избиваюсь отцом", как мы это только что предварительно постулировали, но, скорее, "я любим отцом". Посредством известного процесса она была обращена в сознательную фантазию "я избиваюсь матерью". Фантазия битья мальчика является, таким образом, пассивной с самого начала, она действительно происходит от женственной установки по отношению к отцу. Как и женская [фантазия девочки], она тоже соответствует Эдипову комплексу, но вот от ожидавшегося нами параллелизма между той и другой следует отказаться ради общности иного рода: в обоих случаях фантазия битья выводится из инцестуозной привязанности к отцу.

Для большей наглядности я добавлю здесь другие сходства и различия между фантазиями битья [лиц] обоих полов. У девочки бессознательная мазохистская фантазия идет от нормальной эдиповской установки, у мальчика от извращенной, избирающей объектом любви отца. У девочки фантазия имеет предварительную ступень (первую фазу), на которой избиение предстает в своем индифферентном значении и касается лица, вызывающего ревность и ненависть; у мальчика и то, и другое выпадает, но именно это различие можно было бы устранить при каком-то более удачном наблюдении. При переходе к сознательной фантазии, замещающей [бессознательную], девочка сохраняет в неприкосновенности личность отца и, следовательно, пол избивающего лица; она, однако, меняет личность и пол избиваемого, так что в конечном счете оказывается, что некий мужчина избивает детей мужского пола; мальчик, напротив, меняет личность и пол избивающего, замещая отца матерью, и сохраняет в неприкосновенности собственную персону, так что в конечном счете лицо избивающее и лицо избиваемое оказываются разнополыми. У девочек изначально мазохистская (пассивная) интуиция обратилась благодаря вытеснению в садистскую, сексуальный характер которой весьма размыт, у мальчика она осталась мазохистской и в силу полового различия между избивающим и избиваемым лицами сохранила больше сходства с изначальной, имевшей генитальный смысл, фантазией. Мальчик благодаря вытеснению и переработке своей бессознательной

фантазии избегает гомосексуальности; примечательным в его позднейшей сознательной фантазии является то, что своим содержанием она имеет женственную установку при отсутствии гомосексуального выбора объекта. Девочка, напротив, избегает благодаря тому же самому процессу требований любовной жизни вообще, в своих фантазиях воображает себя мужчиной, не делаясь сама по-мужски активной, и уже лишь в качестве зрителя присутствует при том акте, которым замещается у нее половой акт.

Мы с полным основанием можем допустить, что в результате вытеснения изначальной бессознательной фантазии изменяется не слишком многое. Все то, что для сознания оказывается вытесненным и замещенным, в бессознательном сохраняется и остается дееспособным. Иначе обстоит дело с эффектом регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации. О ней мы вправе полагать, что она изменяет и положение дел в бессознательном, так что после вытеснения у обоих полов в бессознательном остается если и не (пассивная) фантазия быть любимым отцом, то все же мазохистская фантазия быть им избиваемым. Имеется достаточно признаков и того, что вытеснение достигло своей цели лишь очень несовершенно. Мальчик, который хотел избежать гомосексуального выбора объекта и не поменял свой пол, ощущает себя, тем не менее, в своей сознательной фантазии женщиной и наделяет бьющих женщин мужскими атрибутами и свойствами. Девочка, которая отказалась даже от своего пола и, в целом, гораздо более основательно провела работу вытеснения, но, тем не менее, не отделалась от отца, не доверяет избиение себе самой и, поскольку сама она превратилась в мальчика, объектами избиения оставляет, главным образом, мальчиков.

Я знаю, что описанные здесь различия между фантазиями битья обоих полов объяснены недостаточно, но не предпринимаю попытки распутать все эти сложности, проследив их зависимость от других факторов, потому что не считаю исчерпывающим сам материал наблюдения. Насколько его, однако, хватает, я хотел бы использовать этот материал для проверки двух теорий, которые, противостоя друг другу, обе затрагивают отношение вытеснения к половому характеру и, каждая по-своему, изображают это отношение как весьма тесное. Я исхожу при этом из того, что всегда считал обе теории некорректными и вводящими в заблуждение.

Первая теория анонимна; много лет назад ее изложил мне один коллега, с которым мы тогда были дружны [Вильгельм Флисс]. Ее размашистая простота действует столь подкупающе, что остается лишь с удивлением вопрошать, отчего же с тех пор она оказалась представлена в литературе лишь какими-то отдельными намеками. Опирается она на бисексуальную конституцию человеческих индивидов и утверждает, что у каждого из них мотивом вытеснения выступает борьба между половыми характерами. Пол, развитый сильнее и преобладающий в личности, будто бы вытесняет в бессознательное душевное представительство (Vertretung) подчиненного пола. Ядром бессознательного, вытесненным, у каждого человека оказывается наличествующее в нем противополовое. Это может обладать каким-то ощутимым смыслом лишь в том случае, если мы допустим, что пол человека определяется развитием его гениталий, - иначе будет неясно, какой же пол в человеке сильнее, и мы рискуем вывести то, что должно служить нам отправным пунктом исследования, из его результатов. Короче говоря, у мужчины бессознательное вытесненное сводится к женским инстинктивным импульсам; у женщины все наоборот.

Вторая теория - более недавнего происхождения; она согласуется с первой в том, что опять-таки изображает борьбу между двумя полами решающим фактором вытеснения. Во всем остальном она должна быть противопоставлена первой; опирается она не на биологические, а на социологические факты. Содержание этой теории "мужского протеста", сформулированной Альфредом Адлером, состоит в том, что каждый индивид будто бы не желает оставаться на неполноценной "женской линии" и стремится к единственно удовлетворительной мужской линии. Исходя из этого мужского протеста и делая обобщения, Адлер объясняет формирование характера и невроза. К сожалению, эти два процесса - несмотря на то, что они определенно должны быть разведены, - различаются Адлером столь

неотчетливо, а факту вытеснения вообще уделяется столь мало внимания, что мы рискуем впасть в заблуждение, если попытаемся применить учение о мужском протесте к вытеснению. Я полагаю, что эта попытка привела бы к тому, что мужской протест, стремление сойти с женской линии, был бы понят как неизменный мотив вытеснения. Вытесняющее всегда оказывалось бы тогда мужскимм инстинктивным импульсом, вытесненное - женским. Однако, и симптом оказался бы результатом какого-то женского импульса, поскольку мы не можем отказаться от той точки зрения, согласно которой характер симптома определяется тем, что он выступает заменителем вытесненного, проведенным в жизнь наперекор вытеснению.

Проверим теперь обе теории, общей чертой которых является, так сказать, сексуализация процесса вытеснения, на примере исследовавшейся здесь фантазии битья. Изначальная фантазия "я избиваюсь отцом" соответствует у мальчика женственной установке, являясь, следовательно, выражением его противополой предрасположенности. Если она подвергается вытеснению, тогда первая теория, берущая за правило то, что противополое совпадает с вытесненным, оказывается, по-видимому, верной. Однако, нашим ожиданиям мало соответствует то обстоятельство, что сознательная фаза, всплывающая после свершившегося вытеснения, опять-таки обнаруживает женственную установку, только на сей раз - по отношению к матери. Нам, впрочем, не хотелось бы углубляться в сомнения там, где решение лежит так близко. Изначальная фантазия девочки "я избиваема (то есть: любима) отцом" все же определенно соответствует, в качестве женственной установки, преобладающему, явному ее полу: она, следовательно, в соответствии с данной теорией, должна избежать вытеснения, ей нет нужды становиться бессознательной. В действительности, однако, она таковой становится и замещается сознательной фантазией, отклоняющей (verleugnet) очевидный половой характер [фантазирующей]. Теория эта, таким образом, бесполезна для понимания фантазий битья и ими опровергается. Тут можно было бы возразить, что те, у кого возникают эти фантазии битья, и кто испытывает подобную судьбу, являются именно женоподобными мальчиками и мужеподобными девочками, или что ответственность за возникновение пассивной фантазии у мальчика и ее вытеснение у девочки следует возложить на черты женственности в мальчике и мужественности в девочке. Мы бы, наверное, согласились с подобной точкой зрения, но постулируемое соотношение между явным половым характером и отбором того, что предназначается для вытеснения, оказалось бы из-за этого не менее несостоятельным. В сущности, мы видим лишь то, что у индивидов мужского и женского пола налицо как мужские, так и женские инстинктивные импульсы, которые в равной степени могут оказаться бессознательными в результате вытеснения.

Гораздо лучше, как кажется, выдерживает проверку на фантазиях битья теория мужского протеста. Как у мальчика, так и у девочки фантазия битья соответствует женственной установке, следовательно - пребыванию на женской линии, и оба пола спешат при помощи вытеснения этой фантазии отделаться от подобной установки. Впрочем, мужской протест достигает, как будто, полного успеха лишь у девочки: тут мы обнаруживаем прямо-таки идеальный пример действия мужского протеста. У мальчика результат не всецело удовлетворителен, женская линия им не покидается, в своей сознательной мазохистской фантазии мальчик определенно не оказывается "сверху". Это соответствует выводимому из данной теории ожиданию, если мы распознаем в этой фантазии некий симптом, возникший в результате того, что мужской протест потерпел неудачу. Нам, однако, мешает то обстоятельство, что возникающая в силу вытеснения фантазия девочки также имеет ценность и значение симптома. Но ведь именно здесь, где мужской протест полностью осуществил свой замысел, условия для образования симптома должны были бы отсутствовать.

Прежде чем на основании этой сложности мы выдвинем предположение в том, что вся концепция мужского протеста неадекватна проблемам неврозов и извращений, что ее применение к ним не принесет никаких плодов, мы переведем свое внимание с пассивных

фантазий битья на другие инстинктивные манифестации детской сексуальной жизни, которые равным образом подлежат вытеснению. Ведь никто не может сомневаться в том, что имеются и такие желания и фантазии, которые с самого начала придерживаются мужской линии и представляют собой выражение мужских инстинктивных импульсов - например, садистские тенденции или же выводящееся из нормального Эдипова комплекса влечение мальчика к своей матери. Столь же мало сомнений вызывает и то, что их также постигнет вытеснение; если мужской протест с успехом мог объяснить вытеснение пассивных - позднее мазохистских - фантазий, то именно поэтому он совершенно бесполезен применительно к прямо противоположному случаю фантазий активных. Это означает, что учение о мужском протесте вообще несовместимо с фактом вытеснения. Лишь тот, кто готов отбросить все психологические завоевания, которые были сделаны начиная с первого катартического лечения Брейера [случай Анны О.] и благодаря ему, может надеяться на то, что принцип мужского протеста приобретет какое-то значение для объяснения неврозов и извращений.

Психоаналитическая теория, опирающаяся на наблюдение, твердо настаивает на том, что мотивы вытеснения не могут сексуализироваться. Ядро душевного бессознательного образует архаическое наследие человека, и процессу вытеснения подлежит в нем то, что всегда должно оставляться позади при продвижении к дальнейшим фазам развития как несовместимое с новым или непригодное и даже вредное для него. Этот отбор в одной группе влечений удается лучше, нежели в другой. Последние, сексуальные, влечения, в силу особых обстоятельств, на которые уже много раз указывалось, способны расстроить замысел вытеснения и добиться того, чтобы их представляли какие-то нарушающие [психическое равновесие] заместительные образования. Поэтому подлежащая вытеснению инфантильная сексуальность является главной инстинктивной силой формирования симптомов, а существенная часть ее содержания, Эдипов комплекс, - ядерным комплексом неврозов. Я надеюсь на то, что пробудил в настоящей статье ожидание того, что и сексуальные отклонения как детского, так и зрелого возраста ответвляются от того же самого комплекса.